

О. А. БЕЛОБРОВА

Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря

Тема чудес с колоколами — с мотивами таинственного звона или затонувшего колокола — характерна для средневековой литературы. На Руси чудесный звон колоколов находим то в народных сказаниях (об Иване Грозном, о Марии Нагой), то в летописях: например, в Четвертой Новгородской летописи сообщалось, будто бы перед московским завоеванием Новгорода в Хутынском монастыре «корсунские колокола сами о себе зазвониша».¹ В псковских летописях под 1547 г. читается, как в знак неодобрения бесчинствовавшего царя Ивана Грозного «в ты поры на Москве колокол благовестник напрасно отпаде».² Важную роль играет колокольный звон Новгорода Великого в житии Антония Римлянина: «... и услыша преподобный звон велик по граду и стояше во страхе мнозе».³ Пропажа двух небольших колоколов из церкви Сергия в Троице-Сергиевой лавре оказалась темой для целой 35-й главы в «Книге о новых явлениях чудесах преподобного Сергия» Симона Азарьина: «О тате, иже колокола покраде и обличен бысть».⁴ Итак, чудо с колоколами — в известной мере традиционный мотив древнерусской литературы.

В ряду поздних чудес Сергия Радонежского, по-своему продолжавших традиции таких агнографов, как Елифаный Премудрый, Пахомий Серб, уже упоминавшийся Симон Азарьин, стоит чудо с колоколами Троице-Сергиева монастыря. Текст чуда сохранился в одном списке начала XVIII в.,⁵ в составе сборника-конволюта (ГПБ, Собрание Петербургской духовной академии, № 432, в 8-ю и 12-ю долю листа, лл. 252 об.—255 об.).

Хотя это чудо неоднократно — в 1880, 1892 и 1912 гг. — пересказывалось в различных изданиях (всякий раз сокращенно),⁶ а в 1894 г.

¹ Е. Барсов. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях. — Древняя и новая Россия, т. II (№ 9). СПб., 1879, стр. 409—411; Четвертая Новгородская летопись. — ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 241.

² Псковская третья летопись. — Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 232.

³ Цитируется по списку XVII в. из собрания ИРЛИ, р. IV, оп. 6 (собрание Каликина), № 35, л. 182.

⁴ Книга о чудесах пр. Сергия. Творение Симона Азарьина. Сообщил С. Ф. Платонов. — ПДПИ, вып. LXX. СПб., 1888, стр. 77—78.

⁵ Датировка бумаги списка затруднена, так как филигрань видна неполностью из-за малой величины тетрадных листов, в 12-ю долю листа. Прямых аналогий нами не найдено, но некоторое сходство обнаруживается в филигранях конца XVII в. у Каманина (№№ 674, 702 — стилизованный двуглавый орел). Ср.: И. Каманин. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923.

⁶ С. Григоров. Непокорные колокола. — Исторический вестник. 1880, № 8, СПб., 1880, стр. 796—797; М. И. Пыляев. Старое житье. СПб., 1892, стр. 309—

было упомянуто составителем описания рукописей Петербургской духовной академии А. Родосским,⁷ все же этот любопытный во многих отношениях сюжет не был учтен ни историками, ни литературоведами.

В начале рассказа сообщается от лица Гавриила тверитина «и з сестрою Ириною», что 27 июня 1701 г., в петров пост, они были в Троице-Сергиевом монастыре и слышали про петровский указ о сборе колоколов («от всево звону четверть») на литье пушек. Далее рассказывается, как троицкие власти старались выполнить указ («указу противны быть не смели») и как этому сопротивлялись сами колокола: старинный колокол, намеченный к отсылке в Москву, исчез; другой, когда хотели его разбить, не поддался и гудел от удара трое суток; еще два колокола, «братевники именуемы», долго не снимались с крючьев, потом сами «пали, стены обламали». Через некоторое время в пруде за монастырем был отыскан потерявшийся колокол. Об этом отправили известие царю Петру, после чего он приходил в монастырь, «плакол, прощения просил у чудотворца Сергия о изволении своем». Отправленные на московский Пушечный двор колокола-«братевники», как оказалось, «в литье пушачного дела не пошли... потому что медь жестка».

После этого рассказа следует запись о том, что в тот же день, 27 июня, когда Гавриил тверитин услышал рассказ о колоколах, была украдена в Троице-Сергиевом монастыре, у гроба преподобного Серапиона, кружка с деньгами. Затем сообщается о московском пожаре, бывшем в Кремле несколько раньше, 19 июня 1701 г., а также о пожаре в Воронеже и Нижнем городе (очевидно, Нижнем Новгороде), однако с долей сомнения и с указанием источника информации: «А подлинно ль или нет, того неведомо, только же люди говорили на площади и плотники слышав сказали».

Историческая основа чуда с колоколами Троице-Сергиевой лавры не вызывает сомнения. Дело в том, что после нарвского поражения 19 ноября 1700 г. по указу Петра I с церковью и монастырем собирали колокольную медь (одну четверть от общего веса колоколов) для литья пушек вместо затонувшей под Нарвой артиллерии.

Поскольку текст петровского указа и его точная дата не сохранились,⁸ обыкновенно ссылаются на косвенные источники. Среди них записи в «Журнале, или Поденной записке... Петра Великого»,⁹ в дневнике Б. И. Куракина,¹⁰ сведения в «Записках» датского посланника Юста Юля.¹¹

Привлекаются при этом и чисто документальные данные о сборе колокольной меди в том или другом городе, монастыре. Примером неукоснительного выполнения петровского указа обычно служат данные по городу Угличу и по Владимирскому Успенскому девичью монастырю, неодно-

310; Н. Оловянишиков. История колоколов и колоколотейное искусство. Изд. 2-е, дополненное, М., 1912, стр. 205—206.

⁷ А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894, стр. 393—395.

⁸ Автор капитального труда по истории Петра I Н. Г. Устрялов (История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 1, Битва под Нарвою и начало побед. СПб., 1863, стр. 70, прим. 9) отмечал: «Когда именно состоялся указ, в архивах не найдено».

⁹ Журнал, или Поденная записка блаженный и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого, с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира, ч. 1. СПб., 1770, стр. 28.

¹⁰ Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. — Архив князя Ф. А. Куракина, кн. 1, СПб., 1890, стр. 261.

¹¹ Записки Юста Юля, датского посланника при русском дворе (1709—1711). — Русский архив, 1892, № 3, стр. 284.

кратно воспроизводившиеся в печати.¹² Кроме того, иногда называют Печерский Вознесенский монастырь в Нижнем Новгороде.¹³ Нами могут быть добавлены сведения по Вологде,¹⁴ по Кирилло-Белозерскому монастырю и Белозерскому уезду,¹⁵ а также по Москве.¹⁶

Сличение документальных данных по Угличу, Владимиру, Вологде, Кирилло-Белозерскому монастырю показывает, что еще 26 декабря 1700 г. — меньше, чем через 40 дней после нарвского поражения — во Владимире взвешивались и отбирались колокола, причем в Москве на Пушечном дворе в феврале 1701 г. монастырским представителям вернули малый колокол весом в 3 пуда, чтобы не брать свыше четверти от общего веса. Наиболее позднюю дату — 14 июля 1701 г. — имеет расписка-квитанция, данная Кирилло-Белозерскому монастырю на московском Пушечном дворе о взятой «на литье пушек и мортир из колоколов» четвертой части меди в количестве 416 пудов 7,5 фунтов.

Таким образом, сообщение об указе Петра I в рассказе о чуде с колоколами Троице-Сергиева монастыря приобретает важное значение в ряду других, чисто документальных данных из истории Северной войны, хотя ни военные, ни церковные историки до сих пор к этому источнику не обращались. Здесь, кроме указа Петра I, назван ряд исторических реалий: приведена точная дата 27 июня 1701 г., действительно (как подтверждает проверка) приходившаяся на пятницу десятой недели после пасхи; упоминаемый архимандрит монастыря Ларион (Илларион) занимал этот пост с 1701 по 1704 г.;¹⁷ указано количество колоколов в монастыре — 26 (в Описи Троице-Сергиева монастыря 1641—1642 гг. с часовыми колоколами названо 32).¹⁸

¹² Ссылку на эти опубликованные данные находим в кн.: Н. Оловянишников. История колоколов и колоколотейное искусство, стр. 81, 201—204. Ср.: В. Серебренников. Об угличских колоколах, взятых Петром Великим для пушек. — Ярославск. губ. ведомости, 1856 г. № 21, часть неофициальная, стр. 196—197; О взятии колокол с города Углича. — Ярослав. епарх. ведомости, 1867, № 9, часть неофициальная, стр. 79—80; О взятии Петром I с г. Углича меди, четвертой части веса колокол в 1701 г. — Ярослав. епарх. ведомости, 1873, № 13, часть неофициальная, стр. 107—108; Н. П. Захаров. Кремлевские колокола. М., 1969, стр. 12—13. — Историческое описание первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря в губернском городе Владимире. М., 1900, стр. 91—93.

¹³ П. Храмуцовский. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, ч. II. Нижний Новгород, 1859, стр. 104.

¹⁴ Н. И. Суворов. О высылке в Москву по указу Петра I от епархиальных церквей четвертой части колокольной меди. — Известия имп. Археол. общ., т. IV, СПб., 1863, стлб. 232—243. Ср. также расписку о приеме колокольной меди от всех вологодских церквей от 28 марта 1701 г.: ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 17 (Леонид. 1543.III. № 98). Эта расписка не опубликована, но названа в изданиях: П. Строев. Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. Н. Царскому. М., 1848, стр. 812, № 750/98; Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. III. М., 1894, стр. 175, № 1543/98.

¹⁵ Варлаам, архим. Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. М., 1859, стр. 68, 100, прим. 162; ГПБ (собр. Зинченко), № 1635, 1701 г. марта 13 (Отпись стольника Тимофея Кудрявцева, принявшего на Пушечном дворе «из колоколов четвертую часть» с Белозерских вотчин Воскресенского монастыря в Череповце).

¹⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 2 (Приказ артиллерии), оп. 1, 1710 г. № 48, л. 308—308 об.

¹⁷ См.: Е. Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1892, стр. 139.

¹⁸ Арсений, иером. О Царь Колоколе свято-Троицкой Сергиевской лавры. — Записки Отдел. русск. и славянск. археол. имп. Русск. археол. общ., т. 3, СПб., 1882, стр. 154. Количество колоколов изменялось. Ср. известие конца XVIII в.: «Всех колоколов на колокольне 27, а с часовыми 34» (Павел Пономарев. Краткое историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры с приложением знатных происшествий, случившихся в оной. М., 1796, стр. 29).

Перед нами бесспорный образец жанра «чудес», справедливо считавшегося В. О. Ключевским наиболее ценной частью агиографии.¹⁹

Вместе с тем это как бы запись устного рассказа со ссылкой на Гавриила тверитина «и з сестрою Ириною»; его описание иногда ведется от первого лица: «А весу что в нем (колоколе, — О. Б.), того не знаю». Ясно, что Гавриилу и Ирине рассказали о чуде с колоколами люди, знавшие не только о присылке царского указа, но и о ходе его выполнения, имевшем место задолго до июня, судя по упоминанию перевозки льда с пруда в монастырские погреба, во время которой был найден затонувший колокол. Этот рассказ дополнен записью слухов разного значения: во-первых, о краже церковной кружки с деньгами из Серапионовской палатки и, во-вторых, о пожаре в Московском Кремле с точной датой 19 июня 1701 г.; при этом устная основа записанных известий, бытовавших среди «людей» и «плотников», говоривших «на площади», здесь очевидна. Эту особенность рассказа отметил еще А. Родосский, назвавший его «запиской».²⁰

Нельзя не видеть в этих трех разнородных известиях (о попытках снять колокола, о краже церковной кружки и о московском пожаре) и своеобразной печати летописного жанра. Здесь уместно вспомнить «хозяйственные записи» XVII в., отмечавшиеся А. Н. Насоновым,²¹ или же типично летописные известия, как например о пребывании Петра I в Троице-Сергиевом монастыре в 1682²² и в 1689 г.,²³ во время стрелецких восстаний.

Агиографический характер рассказа проявился в том, что воля чудотворца Сергия оказывается выше царского указа. Она не только избавляет монастырь от потери колоколов, но еще приводит самого царя Петра I за прощением к преподобному. Возможно, конечно, что так, в форме религиозной легенды, выражено особое положение Троице-Сергиева монастыря, с которым считался даже царь Петр I. Примером может служить попытка монастырских властей уклониться от сбора денег на корабельное строение в 1698 г.²⁴ Впрочем, А. В. Горский на основании документов архива монастыря, на которые он, к сожалению, не сослался, сообщал, что Троице-Сергиева лавра внесла в 1698 г. 7000 руб. на корабельное строение²⁵ (в то же время от Углича поступило 86 руб. 31 алтын).²⁶ Доказательством особого положения Троице-Сергиева монастыря в период петровских преобразований А. В. Горский справедливо считал тот факт, что «в 1701 г. не были отписаны у него вотчины, как у прочих».²⁷

¹⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 417, 420, 421, 438.

²⁰ А. Родосский. Описание 432 рукописей, стр. 394—395.

²¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, IV, М., 1955, стр. 268.

²² Ср. сведения из Летописца 1619—1691 гг.: ПСРЛ, т. 31, М., 1968, стр. 204.

²³ Ср. известие уваровского сборника № 1871 (7), опубликованное дважды: 1) А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. 2-е изд., М., 1890, ч. II, Приложения архим. Леонид, стр. 89—90; 2) Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. IV, М., 1894, стр. 210—211.

²⁴ Ср.: Приговор властей и соборных старцев Троице-Сергиева монастыря о невозможности собрать деньги на корабельное строение, 4 апреля 1698 г. (ГБЛ, ф. 303, № 890, л. 1).

²⁵ См.: А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. М., 1879, стр. 141—142.

²⁶ См.: Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, вып. I, М., 1906, стр. 77, прим. 1.

²⁷ А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры, стр. 144.

Для понимания несколько необычной роли Петра I, которую он получил в чуде с колоколами, выпадающем из круга сказаний о нем как о царе-самозванце или о царе-антихристе,²⁸ необходимо прежде всего ясно представить себе, как в действительности выполнялся истровский указ в Троице-Сергиевом монастыре.

Еще в конце XIX в. А. Ф. Бычковым был опубликован следующий документ — доклад Приказа Артиллерии (тогда еще Пушкарского приказа) в Москве: «В нынешнем 1701 году по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца, велено быть у приему колоколов четвертой части столнику Тимофею Кудрявцову. И февраля в 6 день привезено ис Троицкого Сергиева монастыря большие колокола, пуд по сту и болши; и ис тех колокол один колокол по подписи явился, что он лит в лето 6935-е при благочестивейшем великом князе Василье Васильевиче и при архиепископе Фотии Кисвском и всеа Росии во обители преподобнаго отца Сергия при настоятельстве отца игумена ж Никона. И за таким подписанием и древними леты тот колокол в четвертую часть принимать ли или впредь для памяствия Троицкого Сергиева монастыря властям отдать и вместо того колокола взять у них, властей, в четвертую часть иными колоколами или котелною медью, и о том что великий государь укажет? 1701 г., марта в 10 день, великий государь указал, по имянному своему государеву указу, тот колокол отдать им без зачету, и за тот колокол иной меди колокольной или какой не имать, и вселеть им тот колокол в монастыре беречь. И о том к ним послать государеву грамоту, а к Тимофею Кудрявцову память». Публикатор сообщил далее, что на обороте доклада записано: «1701-го, марта в 10 день таково писмо подал столник Тимофей Кудрявцов выписать в доклад тотчас».²⁹ К этому следует добавить запись под 11 марта 1701 г. из «Вседневной книги» 1701—1703 гг., начатой в Пушкарском приказе и продолженной в Приказе Артиллерии: «В Троицкой Сергиев монастырь послана великого государя грамота о колоколе, который великий государь пожаловал велел с Пушечного двора, — привозной их колокол, которой лит при Никоне игумене, — отдать в тот монастырь по-прежнему, из четвертой части выложить. И они б власти, видя к себе великого государя милость, о оковке колес и о точенье трубок показали свое радение со всяким усердием».³⁰

Таким образом, известие чуда об отсылке колоколов из Троице-Сергиева монастыря в Москву в 1701 г. подтверждается документально; по времени оно почти совпадает с передачей колоколов из Владимира и из Белозерских вотчин Воскресенского монастыря в Череповце при том же столнике Тимофее Кудрявцеве. Однако замеченные в Москве данные летописи (надписи) на одном из колоколов, поразившие древностью отливки

²⁸ Ср.: Е. Шмурло. Петр Великий в русской литературе (опыт историко-библиографического обзора). СПб., 1889; В. О. Ключевский. Курс русской истории. ч. 4. — В кн.: В. О. Ключевский, Сочинения в 8 томах, т. IV, М., 1958, стр. 228, 230—233.

²⁹ А. Ф. Бычков. Уважение Петра Великого к памятникам старины 1701 г. — Русская старина, ежемесячное историческое издание М. И. Семева, т. 73. СПб., 1892, стр. 265—266. Местонахождение этого документа, не указанное публикатором, нам, к сожалению, неизвестно. Весьма вероятно, что этот доклад происходит из архивохранилищ Ленинграда, а не Москвы, так как археографическая деятельность А. Ф. Бычкова была сосредоточена в Петербурге.

³⁰ ГПБ, ф. 38 (Артиллерийский приказ) 5. ст. 7/7 1701—1703 гг., л. 16 (документы этого фонда находятся на временном хранении в ЦГИАЛ). Благодаря А. Н. Михалеву и В. П. Павлову за помощь в розысках названных документов.

и значительностью названных лиц, привели к удивительному исключению: к царскому распоряжению «тот колокол отдать им (монастырским властям, — О. Б.) без зачету. . . и велеть им тот колокол в монастыре беречь. И о том к ним послать государеву грамоту». Запись из «Вседневной книги» имеет существенное дополнение, указывающее, что подобная милость оказывалась монастырю далеко не бескорыстно, а в расчете на ускоренное выполнение данного монастырским колесникам и плотникам военного заказа по изготовлению как транспортных средств для перевозки артиллерийских орудий, так и вспомогательных деревянных частей для гранат, бомб и т. п.³¹ Очевидно, именно эти заказы упоминаются ретроспективно в одном из дел Канцелярии Синода, 1721—1724 гг., в котором неоднократно указывается, что «с прошедшего 700-го году. . . построено для военных походов в Троицком Сергиеве монастыре из монастырского покупного лесу и железа артиллерских всяких деревянных припасов, бомбовых и гранатных трубок, шпиглей и поддонов и картечь шухольных дерев и забойпиков и мартирных и пушечных окованных и некованных колес на 9 тысяч на 208 рублей на 19 алтын. И те припасы в Артиллерию на Пушечной двор приняты».³² В той же «Вседневной книге» под 22 февраля 1701 г. находим запись об отсылке грамоты в Троице-Сергиев монастырь об оковке 50 станов колес и о передаче «образцового колеса».³³

Стало быть, не только колокольной медью, но и изготовлением «артиллерийских припасов» Троице-Сергиев монастырь в действительности принимал участие в Северной войне.

Царское предписание вернуть в монастырь старинный колокол, уже привезенный на московский Пушечный двор, было явлением исключительным. Ничего подобного не произошло ни с какими другими колоколами, насколько позволяют судить известные нам материалы по Вологде, Угличу, Нижнему Новгороду, Владимиру и Кирилло-Белозерскому монастырю.

Как мы могли убедиться, к весне, в марте 1701 г., в Троице-Сергиевом монастыре узнали из царской грамоты, что один из колоколов, связанный с учеником Сергия игуменом Никоном, не пошел в пушечное дело и подлежит возвращению. Весьма вероятно, что это известие распространилось здесь ввиду его исключительности и приобрело в конце концов легендарную форму чуда; этому способствовала и вся дальнейшая судьба колокола, оказавшегося увезенным с Пушечного двора не в Троицкую лавру, а в Троицкий Богоявленский монастырь, т. е. на Троицкое подворье в Московском Кремле. Здесь этот старинный колокол «от пожара повредился. И по его же указу, великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, и при сыне его, благоверном царевиче и великом князе Алексее Петровиче, перелит сей колокол в пречестную обитель Сергию и Никону радонежским. . . в лето. . . 1708 марта месяца 1 день. А весу

³¹ До сих пор об участии троице-сергиевских ремесленников в заготовке палуб, телег, трубок, деревянной картечи и тому подобных военных заказов в период Северной войны было известно не ранее 1705 г. Ср.: Н. Е. Бранденбург. Материалы для истории артиллерийского управления в России. «Приказ артиллерии» (1701—1720 г.). СПб., 1876, стр. 156, 210; Д. П. Струков. Архив русской артиллерии, т. I (1700—1718 гг.). Под ред. Н. Е. Бранденбурга, СПб., 1889, стр. 227, 393—394; Каталог архивных документов по Северной войне 1700—1721 гг. Л., 1959, стр. 154, № 1248.

³² ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 1, № $\frac{449}{506}$, 12 августа 1721 г.—11 ноября 1724 г., л. 6 и сл.

Ср.: Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего синода, т. I (1542—1721). СПб., 1868, столб. 526.

³³ ГПБ, ф. 38 (Артиллерийский приказ), 5. $\frac{ст. 7}{7}$ 1701—1703 гг., л. 10.

в нем 161 пуд. Лил сей колокол Иван Маторин». ³⁴ Этот колокол 1708 г. получил прозвище Баран; к 1746 г. он был разбит и в конце концов пошел на литье лаврского Царь-колокола. ³⁵

Итак, чудесное и реальное в рассказе о чуде с колоколами неотделимы друг от друга. Кажущееся фантастическим известие об исчезновении старинного колокола, о том, что он избежал обычной судьбы и не был перелит на пушки, подобно другим, имеет, как мы могли убедиться, свои фактические основания. Даже утверждение рассказчика о негодности колоколов-«братевников», «потому что медь жестка», — вполне правдоподобно. Так, например, думный дьяк Приказа Артиллерии Андрей Винуус доносил Петру I, что «одна колокольная медь в пушки не годна». ³⁶ Кроме того, известно, что далеко не все доставленные в Москву колокола пошли на пушки. ³⁷ Значит, не только чудесным, но и самым реальным образом колокола могли уцелеть хотя бы в Москве. Самое название уцелевших троицких колоколов «братевники именуемы», возможно, связано с наименованием, правда, не двух, а четырех колоколов лавры — «четыре брата», о чем сообщается в лаврской книге надписей, составленной иером. Гедсоном в 1875 г. ³⁸

Возникновение чуда о колоколах, очевидно, ведет нас к современным событиям и, по-видимому, к обитателям Троице-Сергиева монастыря. Рассказчик хорошо знал обстановку в монастыре и вокруг него; может быть, он был знаком также и с делопроизводством. Однако круг его интересов неширок: зная об указе, он не связывает его с военными событиями или хотя бы со спешными военными заказами.

Для всего чуда в целом характерна некоторая «приземленность», своего рода бытописание. Так, например, поэтический образ затонувшего колокола значительно снижен его обретенным не просто в пруде за монастырем, а во время колки и перевозки льда для монастырских погребов. Упоминаются рядовые люди: звонарь, человек, ударивший молотом по колоколу, люди, говорившие на площади, плотники. Вернее всего полагать, что чудо происходит из местной демократической среды, достаточно чуткой, чтобы откликнуться на современные события, но располагавшей сравнительно ограниченной информацией.

Возможно, что для характеристики поведения царя Петра I, приходившего будто бы с покаянием в Троице-Сергиев монастырь, образцом по-

³⁴ ГБЛ, ф. 303 (Троице-Сергиева лавра), № 725. Протоколы Учрежденного собора 1750 г., в лист, лл. 645—646 об.

³⁵ Арсений, иером. О Царь колоколе свято-Троицкой Сергиевской лавры, стр. 71, прим. 9 (здесь выборочно цитируются протоколы Учрежденного собора лавры, № 725). Поскольку известия этих протоколов были малодоступными, колокол 1708 г. нередко путали с колоколом, отлитым в 1714 г. Никоновский же колокол 1427 г. нередко смешивали с другим, также ранним никоновским, 1420 г., который сохранялся на месте до конца 1920-х годов. Пример путаницы этих двух колоколов см. в комментарии А. Ф. Бычкова к опубликованному им докладу Артиллерийского приказа 1701 г. (см.: А. Ф. Бычков. Уважение Петра Великого к памятникам старины, стр. 266). Ср. также: А. С. Орлов. Библиография русских надписей. М.—Л., 1936, стр. 117, № ССХ. Здесь приведена надпись на колоколе 1420 г., а колокол 1427 г. вообще не упоминают.

³⁶ Цитируется по кн.: Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 1, стр. 71—72.

³⁷ Н. Оловянишников (История колоколов и колокололитейное искусство, стр. 314—315) сообщал, что в 1730-е годы из множества — до 600 штук — колоколов, лежащих на Пушечном дворе, отбирались «согласные голосами» уже не на пушечное дело, а для концертов колокольной музыки.

³⁸ Леонид, архим. Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881, стр. 82. «Четыре брата» — одновременного происхождения. В тексте чуда «братевники» «мастерства и дела меди в одно время литы».

служил троицкий Синодик, в котором записано, как царь Иван IV Грозный, придя в лавру после убийства сына, «учал... плакати и рыдати».³⁹

Следование той же троицкой традиции можно усмотреть и в желании автора чуда прославить Троице-Сергиев монастырь и его основателя-чудотворца, подчеркнуть особую роль лавры. Рассказчик, которого слышал Гавриил тверитин, убежденно повествует о чуде с колоколами, проявляя при этом знание монастырского быта и толк в степенном изложении как существа царского указа, так и всех событий.

О пребывании Петра I в Троице-Сергиевом монастыре создано было немало легенд, происхождения которых до сих пор не изучено. По одной из них Петр I охотился на уток, целясь с Красной башни, отчего она будто бы и стала называться Уточьей, или Утичьей; по другой Петру приписывалось изготовление костяного яблока под паникадиллом церкви Сергия при Трапезной; долгое время связывалась с Петром I художественная резьба деревянного заалтарного герба — двуглавого орла — для Успенского собора; в более поздние времена даже пытались связывать название Пафнутаева сада у стен монастыря с царем Петром I.⁴⁰ Все это показывает, что подобное мифотворчество о Петре I было широко распространено в Троице-Сергиевом монастыре, и к этой же традиции восходит сообщение о приходе царя Петра в лавру на поклон Сергию в чуде с колоколами.

Итак, чудо с колоколами может быть включено в круг памятников, связанных с Северной войной. Самые ранние свидетельства о связи лавры с событиями этой войны до сих пор приурочивались к 1703 г. (судя по резной надписи на серебряном окладе иконы «Явление Богоматери Сергию Радонежскому» письма Евстафия Головкина, 1588 г., о посылке этого «чудотворного образа» в военный поход в 1703 г.),⁴¹ а самые поздние — лепные медальоны на плафонах Чертогов, работы М. Зимина, — к 1744 г.⁴²

По всей вероятности, чудо было сочинено и записано задолго до блестящей победы русских войск под Полтавой, т. е. действительно в самом начале Северной войны, когда первые неудачи повлекли за собой спешные хлопоты по воссозданию любыми средствами отечественной артиллерии, когда не был ясен еще затяжной характер войны и перспективы ее развития. Сочинение чудес о колоколах, не пожелавших вылиться в пушки, мало вероятно после первых побед русских войск, — под Нарвой в 1704 г. или под Полтавой в 1709 г.

Таким образом, место и время создания чуда уточняются довольно определенно: Троице-Сергиев монастырь (авторская среда — кто-то из рядовых монахов или из ремесленников), 1701 год.

Итак, перед нами типичный образец традиционного жанра «чудес», восходящего к реальным, хотя и трансформированным в литературном изложении событиям. Он отвечает правилам канона: содержит три попытки снять колокола, покаяние повинного царя, прославление чудо-

³⁹ Синодик Троице-Сергиевой лавры 1575 г. в копии 1680 г. (Загорский музей, инв. № 322), л. 3.

⁴⁰ См.: А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры. стр. 23, 25, 30, 33.

⁴¹ См.: Леонид, архим. Надписи Троицкой Сергиевой лавры, стр. 5. В «Военно-походном журнале» Б. П. Шереметева отправление этой иконы «для моления и в заступление» приурочено еще к 1701 г. Ср.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т. I. Под ред. А. Ф. Бычкова, СПб., 1871, табл. 59.

⁴² См.: И. И. Багаева. Скульптурный декор середины XVIII в. в интерьерах Чертогов. — Сообщения Загорск. гос. истор.-худож. музея-заповедника, вып. 3, Загорск. 1960, стр. 130—144, табл. 53—64.

творца — Сергия Радонежского, способного сделать покорным даже Петра I. Рассказ не лишен известной занимательности, определенных литературных достоинств,⁴³ присущих жанру «посмертных чудес», характерных для XVII в.⁴⁴

Однако это чудо, примечательное своими реалиями и имеющее бесспорную историко-культурную ценность (только благодаря ему удастся собрать воедино и сопоставить известия единичных, разрозненных и не вполне ясных указаний исторических источников), оказалось непопулярным. Его литературная история исчерпывается, по крайней мере в настоящее время, лишь одним списком. Возможно, правда, что этот список не первоначальный, а переписанный вскоре после создания рассказа о чуде.

Рассказ о чуде с колоколами свидетельствует о жизненной силе не столько культа Сергия Радонежского, сколько привычного, традиционного литературного жанра, в рамки которого во второй половине XVII—начале XVIII в. облакались самые разнообразные явления, от бытовых, повседневных случаев монастырской жизни до проведения в жизнь царского указа — не последнего в ряду петровских реформ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧУДО 1701 Г. С КОЛОКОЛАМИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ

- а. 252
36. 209-го, новой же благодати 1701-го иуниа 27-го Гавриил тверитин и з сестрою Ириною, бывшим нам в Троицком Сергие монастыре о 10-й пятнице и слышали, что иво, великого государя царя Петра Алексеевича, указ был везде з городов, монастырей, на Москве у всех приходских церквей || брать колокола, от всево звону четверть; тую долю меди весу на Пушечной двор на литье пушек, и в том Сергиеве^а монастыре так же. А в монастыре колокол 26 было. И ево, великого государя, указу противны быть не смели, архимандрит и братие колокола с колокольни сымать велели. А вечер некоторой указали снять и которой, и тот колокол был старинной. А весу что в нем, того не знаю, а гласом был глух, а не ярок, а за поздностию не симон. А монастырь ночью кругом запираетца всегда, также и той ночи || был заперът. Наутрея архимандриту звонарь весть удержал о том, что того колокола на колокольне нет и братия не ведают, как он и где делься. И повелел архимандрит везде искать, по кельем у братии и в погребях; и нигде не могли обрести, занеже ему, чудотворцу Сергию, отдать не изволил. И архимандрит Ларион повелел другий снять так же; и весу в нем не ведает; и тот сняли, повелел и разбить и медию свести к Москве. И ударил человек молотом, и от того удара не росшибся. И начал || глас от него быть трои сутки, день и нош непрестанно. И архимандрит и того не велел вести к Москве. И повелел в третий сымать два колокола, а оне мастерства и дела меди в одно время
- а. 253
96.
- а. 254

⁴³ Об указанных особенностях жанра «чудес» см.: Л. А. Дмитриев. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV в. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1969, стр. 231—232.

⁴⁴ Ср.: Н. С. Демкова, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. Основные направления в беллетристике XVII в. — В кн.: Истоки русской беллетристики, стр. 519, 520, 524.

^а Первоначально было Сергиеве.

литы, братевники именуемы. И их не могли снять никониими делы, понеже архимандрит и братия боясь указа царева (а чудотворцавай воли не было), и те колокала оставили на колокольне. И, смотря они на них, сами колокола с крючья скочили вѣдрус и пали, стены обламали. А тот безвестной колокол обыскался за монастырем в пруде во время || такое: на л. 254 об. монастырь в погреб лед возили, тагда видить того колокола уши были; потом ево от воды того пруда взяли. И о том ведомость ему, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа великиа и малыа и белыа России самодержцу, учинили именно. И великий государь в монастырь приходил, плакол, прощения просил у чудотворца Сергия о изволнении своем, а те привезены колокола два братеника к Москве, и в литье пушачного дела не пошли и не испорче||ны, потому что медь л. 255 жестка и в дело не гожа. И доньне стоят на Пушечном дворе целы, как и были. Да тое же десятыя пятницы у гроба преподобнаго Сиропиона, — а почивает тут же в Троицком монастыре, — крушку з деньгами унесли неведомо кто.⁶ ||

209-го, новой благодати 1701-го году иуня в 19 день в четверток л. 255 об. о 10-м часу дня в петров пост на Москве выгорел Кремль город, а за Москвою Воронеж и Нижней город, а подлинно ль или нет, того неведомо, только же люди говорили на площади и плотники слышав сказали.

(ГПБ, СПб. ДА № 432, лл. 252 об.—255 об.).

⁶ Текст кончается на середине листа.